

Константин Райхерт*

Научный эмпиризм Чарльза Уильяма Морриса

Натан Хаузер в своей статье «Прагматизм Пирса и аналитическая философия: некоторые замечания» показывает, как «через Чарльза Морриса некоторые ключевые идеи прагматизма и семиотики Пирса проложили себе путь к научному эмпиризму и, в конечном счёте, к аналитической философии». Сама по себе идея влияния Чарльза Сандерса Пирса на аналитическую философию не нова: она тщательно разрабатывалась Хайме Нубиолой¹ и Кристофером Хуквэем². Здесь большой интерес представляет то, что Хаузер показывает влияние Пирса через философию Чарльза Уильяма Морриса, точнее – через научный эмпиризм последнего. Самостоятельно научный эмпиризм Морриса малоизвестен в отечественной науке, если не сказать, что вообще неизвестен. Кроме того, в западной философии исследованию научного эмпиризма Морриса уделяется мало внимания, даже теми учёными, которые специализируются на изучении философии Морриса. Обычно акцент делается на семиотику Морриса и её бихевиористский характер³. Тем не менее, предложенный Моррисом проект научного эмпиризма *может представлять определённый интерес с точки зрения истории философии и истории науки, так как концептуальные особенности этого проекта образуют необходимый систематический фон для понимания семиотической концепции Морриса. Этот факт по каким-то причинам игнорируют современные историки семиотики; их больше занимают чисто семиотические, а не философско-научные проблемы концепции Морриса.*

* Об авторе: Райхерт Константин Вильгельмович, преподаватель кафедры философии естественных факультетов Одесского национального университета им. И. И. Мечникова.

1 Nubiola J. La renovación pragmatista de la filosofía analítica. Una introducción a la filosofía contemporánea del lenguaje. – Pamplona: Eunsa, 1996.

2 Hookway C. Peirce. – London: Routledge, 1992. Hookway C. Truth, Rationality, and Pragmatism: Themes from Peirce. – Oxford: Clarendon Press, 2002.

3 Posner R. Charles Morris and the Behavioral Foundations of Semiotics // Classics of Semiotics / ed. by M. Krampen, K. Oehler, R. Posner, T. A. Sebeok, T. von Uexkull. – New York: Plenum Press, 1987. – p. 23-58.

Кроме того, научный эмпиризм может представлять самостоятельный интерес в качестве почти забытой в настоящее время попытки объединить два уважаемых философских течения XX века – прагматизм («биологический позитивизм»⁴) и логический позитивизм.

Итак, настоящее исследование носит историко-философский и историко-научный характер. Его целью является рассмотрение научного эмпиризма Чарльза Уильяма Морриса.

Начиная с диссертации, защищённой в 1925 году, «Символизм и реальность» и вплоть до конца своих дней в 1979 году основными темами исследования Чарльза Уильяма Морриса были знаки (символы) и ценности. Во второй половине 1920-х-начале 1930-х годов Моррис разрабатывал теорию символов (знаков) и ценностей в рамках своей философии сознания (*сам он употреблял словосочетание «theory of mind»* 'теория сознания'); с 1934 года разрабатывал теорию знаков и ценностей в рамках своего «научного эмпиризма», а с 1938 года – в рамках своей «гуманистики». Важно отметить, что подход Морриса к знакам (символам) и ценностям всегда носил бихевиористский характер. Это было связано, во-первых, с тем, что изначально Чарльз Уильям Моррис занимался психологией и психиатрией: в 1922 году он даже защитил работу по психологии на степень бакалавра; во-вторых, с тем, что научными консультантами его диссертационной работы были два прагматика, исповедовавшие бихевиористские взгляды, – Джордж Герберт Мид и Аддисон Вебстер Мур.

Бихевиористский подход Морриса, прежде всего к пониманию знаков (символов) позволил Ахиму Эшбаху высказать мнение, что «описывая научное положение бихевиористской семиотики, Чарльз Моррис акцентирует внимание на том, что более подходящим будет заменить термин “бихевиоризм” на термин “научный эмпиризм”⁵, так как этот тип эмпиризма ориентирован на методологию и результаты естественных наук».⁶ Термин «научный эмпиризм» Моррис начинает

4 Моррис Ч. У. Соотношение формальных и эмпирических наук в научном эмпиризме / Пер. с англ. З. Р. Баблюна // Философия и естествознание. Журнал Erkenntnis (Познание). Избранное. – М.: Идея-Пресс; Канон+, РООИ Реабилитация, 2010. – С. 574.

5 В принципе нечто подобное можно говорить и о гуманитарных науках, только в этом случае вместо термина «научный эмпиризм» Чарльз Уильям Моррис использует термин «гуманистика».

6 Eschbach A. Preface. Charles William Morris: Semiotician // Morris C. W. Symbolism and Reality: A Study in the Nature of Mind. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Co., 1993. – P. XIV.

использовать в 1934 году после того, как он совершил поездку в Европу, в том числе в Прагу на Восьмой Международный Конгресс по философии, где он познакомился с участниками «Венского кружка». Идея достичь так называемого «единства науки», унаследованная «Венским кружком» от Эрнста Маха, произвела на Морриса настолько сильное впечатление, что он стал главным защитником и популяризатором в США «Движения за единство науки» (*Unity of Science Movement*), а также – совместно с Отто Нейратом и Рудольфом Карнапом – редактором издания «*International Encyclopedia of Unified Science*» («Международной энциклопедии унифицированной науки»), в рамках которой был осуществлён ряд важных философских проектов, в том числе и работа американского историка и философа науки Томаса Куна «Структура научных революций». Кроме того, Нейрат и Карнап ставили задачу разработки логического языка, который смог бы стать чем-то вроде научной интерлингвы.

Понятное дело, что если речь заходила о языке, то затрагивался и вопрос о знаках (символах). По всей видимости, за это и ухватился Моррис и принялся за обоснование такого вида эмпиризма, который бы способствовал единству науки на основе знаков (символов): «Как наука, этот эмпиризм является положительным (*positive*) в нормальном состоянии; распознаёт социальную и кооперативную природу знания, не отказываясь от контрольной функции индивидуального опыта (*experience*); порождает всестороннее использование формальных наук; является натуралистическим в перспективе (эмпирический реализм). Интерес к эмпирическому измерению значения (без общей фиксации на категории социального) является типичным для конкретных [философских и научных] групп, [ориентировавшихся на философию] Маха. Эти группы подчёркивают контрольную функцию эмпирического опыта и их интерес к редукции значения различных понятий (*concepts*) к непосредственному элементарному опыту (*direct elementary experiences*), демонстрируя [таким образом] свою близость к английскому эмпиризму. Интерес (*concern*) к формальным наукам в современном эмпиризме является отчасти инструментальным, но отчасти и попыткой согласовать их в рамках эмпиризма с позиций семиотики. Научный эмпиризм, таким образом, сочетает, как и сама наука, три взаимодополнительные позиции: прагматизм, традиционный эмпиризм и формализм».⁷ В группу прагматистов Моррис включает Уильяма Джеймса, Джона Дьюи,

7 Morris C. W. Note 3 // Some Notes on the History of Empiricism. – TS, n. d.

Джорджа Герберта Мида, Джованни Вайлати, Гюнтера Якоби, Вильгельма Иерусалима, Теодора Лаланда, Ф. К. С. Шиллера. В группу традиционных эмпириков Моррис включает британских эмпириков, начиная с Фрэнсиса Бэкона и заканчивая Джоном Стюартом Миллем. В группу формалистов Моррис включает неопозитивистов Венского кружка, начиная с Эрнста Маха, школы логического позитивизма в Берлине, Варшаве, Праге, Париже.

Все три группы, *по мнению* Морриса, объединяет одна общая цель: отталкиваясь от представления о том, что метафизика несостоятельна, представители этих трёх групп говорят о необходимости нового метода, свободного от метафизики, формального, эмпирического и позитивного, способного трансформировать научный анализ в формально-логический анализ научного языка. То есть, по мнению Морриса, научный анализ должен стать анализом знаков. Вот как он описывает этот процесс: «Семиотика рассматривается как естественное завершение современного акцентирования (*stress*) на логическом анализе. Предполагается, что анализ символического процесса обнаруживает три отношения символов: к объектам, к людям (*persons*) и к другим знакам.⁸ Эти три набора (*sets*) отношений рассматриваются как три измерения значения и называются “экзистенциальное значение” (*existential meaning*), “прагматическое значение” (*pragmatic meaning*) и “формальное значение” (*formal meaning*) [соответственно]. Чтобы определить значение любого символа или комбинации символов нужно определить три набора отношений. Значение оказывается скорее реляционным и функциональным процессом, чем вещью; как объективный процесс, любое значение потенциально интерсубъективно: теоретически то, что любой знак значит для любого [человека], может быть исчерпывающе определено другим человеком. Таким образом, представленный анализ подтверждает первую часть тезиса физикализма, то есть то, что все предложения (*propositions*) в принципе верифицируемы любым [человеком]. <...> Утверждается, что семиотика, сама наука, является «новым органом» специальных наук и философией научного эмпиризма»⁹.

8 Впервые о трёх типах отношений символов (к другим символам, к объектам и к людям) Моррис говорит в своей статье «Прагматизм и метафизика» (Morris C. W. Pragmatism and Metaphysics // *Philosophical Review*. – №43. – 1934. – pp. 549-564).

9 Morris C. W. Semiotic and Scientific Empiricism // *Actes du Congres International de Philosophie Scientifique*. – Paris: Hermann, 1935. – p. 2.

Другими словами: Моррис показывает, что когда исследуется значение выражения (предложения) с точки зрения его отношений с другими выражениями (синтаксическое измерение или «формальное значение»), с вещами (семантическое измерение или «экзистенциальное значение») и с теми, кто употребляет их (прагматическое измерение или «прагматическое значение»), открывается путь к полной определмости этих выражений.

Более того, в традиционном эмпиризме можно обнаружить три главных недостатка: недостаточную корректность согласно формальным наукам; невозможность связать эмпирическую теорию значения с эмпирической (натуралистической) космологией; тенденцию к субъективизму. Научный эмпиризм, использующий семиотику, позволяет объяснить каждый из трёх недостатков как возникающий из-за отрицания одного из трёх измерений значения.

В статье «Научный эмпиризм» Моррис утверждает, что исследование науки может быть целиком включено в исследование языка науки, так как наука «как система (*body*) знаков с определёнными специфическими отношениями с другими, с объектами и с практикой является вместе с тем языком, знанием об объектах и типом активности»¹⁰. На основании этого полагается, что научный эмпиризм «обозначает, вероятно, наиболее широкое обобщение научного метода»¹¹. Он ориентирован на методы и результаты науки и допускает в свою область всё то, что вовлечено в научное исследование, включая последствия этого исследования для интересов других людей. Из-за своей эмпирической и логической ориентации научный эмпиризм является позитивным и кооперативным по своей природе. Он не является негативной и скептической задачей показать недостатки в методах и результатах его оппонентов¹².

Научный эмпиризм охватывает логику, теорию анализа знаков, теорию ценностей и ценностных суждений и унифицированную науку¹³, то есть научное исследование всего здания науки. Этот метод подкрепляется радикальным эмпиризмом¹⁴, методологическим

10 Morris C. W. Scientific Empiricism // International Encyclopedia of Unified Science / eds. R. Carnap, O. Neurath, C. W. Morris. – Vol.1. – Parts 1-2. – Chicago: the University of Chicago Press, 1955. – p. 70.

11 Morris C. W. Ibid. – p. 69.

12 Morris C. W. Ibid. – p. 68.

13 Morris C. W. Ibid. – p. 71.

14 Первым, кто стал разрабатывать радикальный эмпиризм, был Уильям Джеймс.

рационализмом¹⁵ и критическим прагматизмом¹⁶. Эти три компонента соотносятся с тремя измерениями семиотики. Радикальный эмпиризм является семантическим исследованием, методологический рационализм – синтаксическим исследованием, а критический прагматизм – прагматическим исследованием. Единство науки, таким образом, является результатом единства её языковой структуры, семантических отношений, которая она пытается установить, и практических эффектов, которые она производит.¹⁷

Кроме того, научный эмпиризм является аналогом энциклопедизма: «Поскольку принимается, что энциклопедия есть необходимая форма человеческого знания, постольку признаётся, что наука стремится к наибольшей степени систематизации, совместимой с её непрерывным ростом»¹⁸.

Поддерживая точку зрения на то, что «наука ходит на трёх ногах: теории, наблюдения и практике»¹⁹, научный эмпиризм использует «её наблюдательно-гипотетико-дедуктивно-экспериментальный метод»²⁰, который состоит из четырёх основных фаз: «появление проблемы; формулирование гипотезы для решения проблемы; выведение (*deduction*) следствий из этой гипотезы; проверка гипотезы посредством проверки выведенных следствий (*deduced consequences*)»²¹.

Основываясь на троичном отношении исследования языка науки (отношение языка к своей формальной структуре, отношение языка к обозначаемым объектам, отношение языка к людям, которые используют этот язык), Моррис в своей знаменитой работе «Основания теории знаков» выводит так называемый «семиозис», «процесс, в котором нечто функционирует как знак. Этот процесс в традиции, восходящей к грекам, обычно рассматривался как включающий три (или четыре) фактора: то, что выступает как знак; то, на что указывает (*refers to*) знак; воздействие, в силу которого соответствующая вещь оказывается для интерпретатора знаком. Эти три компонента семиозиса могут быть названы

15 Наиболее яркими представителями методологического рационализма были Галилео Галилей и Исаак Ньютон.

16 Наиболее ярким представителем критического прагматизма был Джон Дьюи.

17 Следует отметить, что таким образом три традиционные области философии – логика, метафизика и теория ценностей – оказываются не напрямую представленными в семиотических терминах, что очень важно для Ч. У. Морриса.

18 Morris C. W. Ibid. – p. 74.

19 Morris C. W. Ibid. – p. 72.

20 Morris C. W. Ibid. – p. 64.

21 Morris C. W. Ibid. – p. 64

соответственно *знаковым средством* (или *знаконосителем*) (*sign vehicle*), *десигнатом*, (*designatum*) и *интерпретантой* (*interpretant*), а в качестве четвёртого фактора может быть введён *интерпретатор* (*interpreter*)»²².

Далее Моррис поясняет этот момент: «Собака реагирует на определённый звук (знаковое средство [З]) типом поведения (интерпретанта [И]), как при охоте на бурундуков (десигнат [Д]); путешественник готовится вести себя соответствующим образом (И) в определённой географической области (Д) благодаря письму (З), полученному от друга. В этих примерах З есть знаковое средство (и знак в силу своего функционирования), Д – десигнат и И – интерпретанта интерпретатора. Наиболее эффективно знак можно охарактеризовать следующим образом: З есть знак Д для И в той степени, в какой И учитывает Д благодаря наличию З. Таким образом, в семиозисе нечто учитывает нечто другое опосредованно, то есть через посредство чего-то третьего. Следовательно, семиозис – это “опосредованное учитывание”. Посредниками выступают *знаковые средства*, [обобщённое] учитывание – это *интерпретанта*, действующие лица процесса – *интерпретаторы*, а то, что учитывается, – *десигнаты*»²³.

Моррис выделяет три соотносительных члена троичного отношения семиозиса: знаковое средство, десигнат, интерпретант и предлагает на их основании рассмотреть ряд бинарных отношений: отношения знаков к другим знакам, отношения знаков к их объектам, отношения знаков к интерпретаторам. Приведённые три бинарные оппозиции соответствуют трём вышеупомянутым отношениям (их также можно назвать бинарными оппозициями) исследования языка науки: отношение языка к обозначаемым объектам, отношение языка к людям, которые используют этот язык, отношение языка к своей формальной структуре.

Отношения знаков к другим знакам называется «синтактическим измерением семиозиса». Это измерение изучает синтактика. Отношения знаков к их объектам называется «семантическим измерением семиозиса». Это измерение изучает семантика. Отношения знаков к интерпретаторам называется «прагматическим измерением семиозиса». Это измерение изучает прагматика.

Все три названные дисциплины – синтактика, семантика, прагматика – составляют в целом семиотику, науку о знаках.

22 Моррис Ч. У. Основания теории знаков // Семиотика: Сборник переводов / Под ред. Ю. С. Степанова. – М.: Радуга, 1982. – С. 39.

23 Моррис Ч. У. Там же. – С. 39-40.

Несмотря на то, что прагматизм, эмпиризм и формализм стараются избавиться от метафизики, Моррис полагает, что как раз метафизики и не хватает для полного обоснования научного эмпиризма: «Вопрос теперь заключается в том, существует ли некоторый неметафизический (точнее – эмпирический) эквивалент того, что обычно называется “метафизикой” (сейчас её чаще называют “спекулятивной философией”))».²⁴ Этот вопрос Моррис ставит в контексте исследования, предложенного в его статье «Философия науки и наука философии».

Моррис так обозначает цель своей статьи «Философия науки и наука философии»: «Предлагается рассмотреть последствия, к которым приводит ситуация, когда философия сознательно ориентирована на методы и результаты науки»²⁵, то есть когда философия оказывается ориентированной на физикализм. По Моррису, физикализм лучше всего характеризуется его основным тезисом: «Все предложения – интересубъективно верифицируемы (*verifiable*) и переводимы на язык физики»²⁶. Это означает, что физикалистская точка зрения «просто и буквально характеризуется как отрицание метафизики, то есть любой другой науки, кроме физики. Или обосновывая эту точку зрения положительно, мы можем сказать, что предложения в философии, как и в науке, должны приниматься в той мере, в какой они подкрепляются существующими свидетельствами и регулируются в рамках дальнейших свидетельств (*in terms of further evidence*)»²⁷.

Моррис считает, что если философия принимает позицию физикализма, то, по сути, она оказывается не у дел, так как все те измерения значения, с которыми философия имеет дело, оказываются уже занятыми другими: «Математики и символические логики занимаются областью формального или синтаксического значения; творческие люди, по всей видимости, имеют дело с ценностями и прямым аспектом символов (прагматическое значение); учёный ответственен за установление того, какие значения на самом деле содержатся в вещах (эмпирическое измерение значения)»²⁸. Отсюда Моррис выводит задачу для философии – «обосновать своё вхождение (*entrance*) в одно из трёх

24 Morris C. W. *Philosophy of Science and Science of Philosophy // Philosophy of Science.* – Vol. 2, №3. – 1935. – p. 281.

25 Morris C. W. *Ibid.* – p. 271.

26 Morris C. W. *Ibid.* – p. 272.

27 Morris C. W. *Ibid.*

28 Morris C. W. *Ibid.*

измерений значения (формальное, прагматическое, эмпирическое) или своё функционирование в некоторой интеграции с этими измерениями»²⁹.

И далее Моррис рассматривает четыре возможности такого «обоснования»: 1) философия как логика науки (*ancilla scientiae*); 2) философия как прояснение значения (*scientia sermocinalis*); 3) философия как эмпирическая аксиология (*ancilla hominis*); 4) философия как эмпирическая космология.

По мнению Морриса, философию как логику науки рассматривает Карнап в ряде своих работ, в том числе в «Единстве науки» (1934) и «Философии и логическом синтаксисе» (1935). Так в «Единстве науки» Карнап определяет логику как «последний научный ингредиент философии»³⁰. Логика понимается Карнапом формально, то есть как то, что «имеет дело с синтаксической структурой актуального или возможного языка (обозначаемого как дескриптивный или чистый синтаксис соответственно), абстрагированной от обоих эмпирического и прагматического аспектов значения»³¹. Результаты логического анализа могут выражаться в понятиях двух видов предложений в науке: 1) аналитических предложений в рамках формальных наук и 2) синтетических предложений в рамках эмпирических наук. «Таким образом, философия как “синтаксический анализ научного языка” имеет конечной целью (*eventuates*) безошибочность предложений, но эти предложения сами по себе являются научными предложениями, так что над предложениями науки нет предложений. Философия есть формальная логика, которая в свою очередь есть чистый или дескриптивный синтаксис языка науки; философский анализ есть логический анализ»³². Как говорит Карнап в «Философии и логическом синтаксисе»: «метод логического синтаксиса, то есть анализ формальной структуры языка как системы правил, является единственным методом философии»³³.

По Моррису, философия как прояснение значения должна пониматься в контексте прагматизма Чарльза Сандерса Пирса как «разработка общей теории значения и концепции логики как общей семиотики»³⁴.

29 Morris C. W. Ibid.

30 Carnap R. The Unity of Science. – London: Thoemmes Press, 1997. – P. 11.

31 Morris C. W. Ibid. – p. 272-273.

32 Morris C. W. Ibid. – p. 273.

33 Carnap R. Philosophy and Logical Syntax. – Brooklyn, N.Y.: Ams Pr. Inc., 1979. – p. 99.

34 Morris C. W. Ibid. – p. 277.

Философию как эмпирическую аксиологию Моррис связывает с инструментализмом Джона Дьюи, который рассматривает два вида развития философии науки: «С одной стороны, необходимо сформулировать общую теорию науки как института и науки как привычки сознания, а также необходимо, чтобы она не ограничивалась только формальным анализом языка науки; и, с другой стороны, необходимо тщательно продумать для всех областей значения (*value*) последствия признания (*acceptance*) и распространения (*extension*) методов и результатов в самых широких сферах человеческой жизни»³⁵.

В целом Моррис считает, что «три точки зрения на философию, только что рассмотренные (философия как *ancilla scientiae*, как *scientia sermocinalis* и как *ancilla hominis*) представляют между собой неметафизические эквиваленты для традиционных областей логики и аксиологии. *Вопрос теперь заключается в том, существует ли некоторый неметафизический (точнее – эмпирический) эквивалент того, что обычно называется “метафизикой” (сейчас её чаще называют “спекулятивной философией”). Первые три альтернативы представляют в широком смысле то, что может быть названо “философией науки”, но не то, что может быть названо “наукой философии”; кроме того, они затрагивают формальное и прагматическое измерения значения, а не эмпирическое»³⁶. Так возникает, по Моррису, необходимость в четвёртой возможности обоснования – философии как эмпирической космологии, обоснованием которой в разное время занимались Э. Гуссерль, американские прагматики (Ч. С. Пирс, У. Джеймс, Дж. Дьюи, Дж. Г. Мид); однако наиболее удачным, по мысли Морриса, в этом деле оказался английский философ и математик А. Н. Уайтхед.*

В своей книге 1929 года «Процесс и реальность» Уайтхед полагает, что «спекулятивная философия (*speculative philosophy*) является попыткой составить связную (*coherent*) логически необходимую систему общих идей, в рамках которой любой элемент нашего опыта может быть истолкован»³⁷. Уайтхед называет этот метод «методом дескриптивного обобщения» (*method of descriptive generalization*) и изображает его как «использование специфических понятий (*the utilization of specific notions*) применительно к ограниченной группе фактов для установления общих

35 Morris C. W. Ibid. – p. 280.

36 Morris C. W. Ibid. – p. 281.

37 Whitehead A. N. Process and Reality: an Essay in Cosmology. – New York: Simon and Schuster, 1979. – p. 4.

понятий (*the divination of the generic notions*), применимых ко всем фактам»³⁸. Здесь проверяемость носит эмпирический характер, поэтому: «метафизические категории не являются догматическими утверждениями очевидного, они суть предварительные формулировки окончательных обобщений»³⁹.

На основании сказанного Уайтхедом Моррис приходит к мысли, что «если принять эту концепцию философии как законную альтернативу, то мы придём неожиданно к сути истины в античной концепции философии как королевы наук (*regina scientiarum*). Таким образом, задачей философии является построить концептуальную схему такой общности, которая подтверждалась бы всеми данными»⁴⁰.

И далее Моррис делает важный шаг: он полагает, что все четыре выше названные возможности должны быть взаимно соотнесены в рамках того, что он называет «научным эмпиризмом» (*scientific empiricism*). Под «научным эмпиризмом» Моррис понимает следующее: «Термин “эмпиризм” обозначает принятие понятий и предложений в таком соотношении, что они основываются на *свидетельствах (evidence)* и *регулируются свидетельствами (evidence)*; а термин “научный” предполагает не только то, что наука есть признанный фокус ориентации, но также и то, что какими бы ни были формалистические, прагматические или космологические факторы действительными, в научном исследовании они совместимы с этой версией эмпиризма»⁴¹. Таким образом, Моррис приходит к пониманию философии как *научного эмпиризма, который должен учитывать три измерения значения: «Любое из трёх измерений значения развивало собственную типичную форму выражения: математика – это язык возможного (the language of possibility), наука – это язык факта (the language of fact), искусство – это язык ценности (the language of value). Философия в таком случае должна стать языком языков (the language of languages)*. Это положение содержит в себе двойной аспект: оно предполагает язык о языках – и в этом смысле философия является общей семиотикой (общей теорией символизма); также оно предполагает наиболее всеобъемлющий (полный) из всех языков язык – и в этом смысле философия является общей (обобщённой)

38 Whitehead A. N. Ibid. – p. 8.

39 Whitehead A. N. Ibid. – p. 12.

40 Morris C. W. Ibid. – p. 282.

41 Morris C. W. Ibid. – p. 285.

наукой, которая обладает всеми теми ценностями, которые приходят с такого рода обобщением»⁴².

Идея философии как языка языков получает своё частичное отображение в работе «*Основания теории знаков*». Так Моррис полагает, что «логика, математика и лингвистика могут быть включены в семиотику полностью»⁴³. Другими словами: логика, математика и лингвистика являются видами семиотических наук; семиотика для них родовое понятие. Кроме того, «эстетика в той мере, в какой она изучает определённый вид функционирования знаков (таких, например, как иконические, десигнатами которых являются ценности), – семиотическая дисциплина, имеющая синтаксический, семантический и прагматический компоненты, и различие этих компонентов может лечь в основу эстетического анализа. Социология знания есть явно часть прагматики, так же как и риторика»⁴⁴.

Не менее важным является то, что «в значительной части под компетенцию семиотики подпадают проблемы, оцениваемые как эпистемологические или методологические: так, эмпиризм и рационализм являются в своей сути теориями о том, когда имеет место отношение денотации, или о том, когда можно сказать, что оно имеет место; обсуждение проблем истинности и знания неразрывно связано с семантикой и прагматикой; обсуждение процедур, применяемых в науке, если это не просто раздел логики, психологии или социологии, должно соотносить эти процедуры с познавательным [когнитивным] статусом утверждений – результатом их приложения [к миру]»⁴⁵.

Вдобавок к сказанному семиотика может служить частичным (или абсолютным) критерием «отграничения психологии и ряда социальных наук от других биологических и социальных наук»⁴⁶, так как «первые имеют дело с реакциями, опосредованными знаками»⁴⁷. Более того, «семиотика может также сыграть важную роль связующего звена между биологическими науками, с одной стороны, и психологией и социальными науками – с другой, пролив новый свет на соотношение так называемых “формальных” и “эмпирических” наук»⁴⁸.

42 Morris C. W. Ibid. – p. 285-286.

43 Моррис Ч. У. Основания теории знаков. – С. 85.

44 Моррис Ч. У. Там же. – С. 86.

45 Моррис Ч. У. Там же. – С. 85-86.

46 Моррис Ч. У. Там же. – С. 86.

47 Моррис Ч. У. Там же. – С. 86.

48 Моррис Ч. У. Там же. – С. 86.

Итак, Чарльз Уильям Моррис в 1930-е годы разрабатывает проект научного эмпиризма. Под научным эмпиризмом он понимает такую философию, которая могла бы играть роль «языка языков». Этим «языком языков» должна быть семиотика, то есть общая теория знаков.

К сожалению, в 1940-х годах Моррис охладел к идее единства науки и вместе с ней к проекту научного эмпиризма.⁴⁹ Первым признаком этого можно рассматривать выход в 1942 году монографии Морриса, посвящённой вопросам философии религии, – «Путь жизни»⁵⁰. В 1946 году выходит работа «Знаки, язык и поведение»⁵¹, которая ознаменовала переход Морриса от логического бихевиоризма⁵², представленного в работах Морриса второй половины 1930-х годов, в том числе и в «Основаниях теории знаков», к методологическому бихевиоризму⁵³. Если логический бихевиоризм позволял философскому дискурсу в свете разработки единства формальных и эмпирических наук выступать в качестве семиотического дискурса, то методологический бихевиоризм ставил философский дискурс в один ряд с другими дискурсами и тем самым делался предметом семиотического исследования. В 1948 году выходит книга Морриса по аксиологии – «Открой себя»⁵⁴, о которой критики сказали, что «Моррис окончательно утратил свой аналитический разум (*Morris has finally lost his analytic mind*)».⁵⁵

49 По всей видимости, это связано с тем, что Отто Нейрат и Рудольф Карнап не поддерживали интерес Морриса к разработке теории ценностей в рамках «Международной энциклопедии унифицированной науки».

50 Morris C. W. *Path of Life: Preface to a World Religion*. – New York; London: Harper and Bothers, 1942.

51 Morris C. W. *Signs, Language and Behavior*. – New York: George Braziller Incorporated, 1955.

52 Логический бихевиоризм делает предметом своего рассмотрения результаты интроспекции в индивидуальном и общественном сознании и пытается объяснить психические явления с помощью бихевиористских понятий.

53 Методологический бихевиоризм отбрасывает интроспекцию как метод исследования, если она не полагается на существование отдельного сознания и психических актов.

54 Morris C. W. *The Open Self*. – New York: Prentice Hall, 1948.

55 Цит. по: Fiordo R. A. *Charles Morris and the Criticism of Discourse*. – Bloomington: Indiana University Publications, 1977. – p. 8.